

Расставание

Расставание — взять и выйти за дверь кафе,
Повернуть ключ в замке, залихватски вскочить в автобус,
Удалиться по улице, будучи подшофе,
Поменять подпространство, покинуть привычный глобус...
Всех вычеркивают из жизни без лишних драм —
Вам пора, получите козырный билет на выход,
Не надейтесь на бабочек и листики между рам,
Набирайте воздуха в легкий последний выдох.
Думаете, за горизонтом вас кто-то ждет?
Добрый бог, старый друг, необъезженная дорога?
Черепашка, что подпирает небесный свод?
Нет — там просто, темно и пусто, и одиноко.
Представляете — ни души, ни единой живой души,
Ни собаки, ни мамы, ни тех, кто хватал за палец.

Только то, что каждый выбрал и совершил,
Персональное, заскорузлое «текел-фарес».
Никогдальность. Обезвеченность. Трупный яд,
Страх, который сроду в душе таскаем.
...Отрицаюсь. Верю. Ищу маяк.
Этот остров обязан быть обитаем.
И в проклятой темени, ослепительной пустоте,
Беспросветности, страшно знакомой с детства,
Там, где некуда падать и не получится улететь, —
Я услышу, как жадно бьется живое сердце.

Доверие

Равнозначно — лететь с обрыва, идти в доверие.
Все снимать — платье, шкуру, смолу и перья,
Падать в грязь, смрадным зверем вставать из грязи.
Вырвать связь и остаться в лесу без связи.
Посмотри за глаза, прочитай по слогам морщины —
Это жизнь, что швыряла и по камням тащила.
Это шрамы от всех любимых и всех несчастных,
Это письма от не умеющих возвращаться.
Не стесняйся своей у-богости, душевной плоти,
Посмотри, как собой гордится помойный котик,
Как орет синица, красуется незабудка.
Ты солдат в карауле, а тело — всего лишь будка,
Масса мяса — и чудо чутья, касанья,
Лепестки поздней вишни, плененные волосами.
Дверь в доверие, в бытность и сопричастность...
До скончания века можно туда стучаться.

Старый Крым

Эски-Къырым, базар, мечеть, родник.
Томительная нота муэдзина,
Бездомный рыжий пес у магазина,
Туман — и поводырь и проводник.
Читает Книгу Книг седой крымчак,
Последний уцелевший из народа.

Мычат коровы, скрипнули ворота,
Упала догорелая свеча...
Крадется ночь, неслышна и черна,
Кричит ей «брысь» столетняя татарка.
Уже не далеко. Еще не жарко.
В колодце из-за звезд не видно дна.
И время застывает на углях,
Преображаясь в хрусткую лепешку —
Возьми с собой. Присядем на дорожку.
Пускай себе зовет Чумацкий шлях —
Наш путь и виноградостен и прост.
Пионы Сурб-Хача, кресты долины,
След сокола и контур тополиный,
И в розовом рассвете — руки врозь...

Скажи «кысмет» — отвечу «смерти нет».

Прости

Прости за то, что громко говорю.
Прости за то, что слишком ясно вижу.
Прости, что не расстались к январю.
Прости, что мне любить важней, чем выжить.
За яблоко с ладони, за полынь,
За тень горы, похожей на индейца,
За сладость желтых августовских дынь,
За то, что никуда уже не деться.
Звонит в набат немолчная беда,
Горят дома, плывут по морю кони.
И нота «до» важней, чем нота «да».
И нота «ты» качается и тонет...
Нет правил для бесправной правоты.
Нет истины для тех, кто стал у стенки.
Я выбираю желтые цветы.
Топлю камин, топлю за рыбу деньги,
Лицом к лицу не вижу ни черта,
Ослепла, как татарская царица.
Прости за то, что я всегда не та.
Прости, что не могу наговориться.

Къырым

Крым накрывает зеленым плащом.
Будет не больно, куда бы ни шел.
Морю себя, как страницу, открой.
Звездное небо лежит над горой.
Лик византийский, армянский хачкар.
Тонкий узор можжевеловых чар.
Пчелы Чембало сплетаются в рой.
Звездное небо лежит над горой.
Место, где ждут — у Биюк-Кара-Су,
В сказочном, черном, немолчном лесу.
Дымный костер и валежник сырой...
Звездное небо лежит над горой.
Без багажа, без руля и ветрил
Просто шагай, просто в небо смотри.
Мчат над стеной нескончаемых гор
Лошадь и всадник, Мицар и Алькор.

Баллада смелости

Я умею то, что никак не дается женам.
Это разница между голым и обнаженным.
Это пропасть между бесконечным и беспредельным,
Между плотью Христовой и просто телом.
Я сжигаю мосты, потому что сама сгораю.
Я не райская, не первая, не вторая,
Не Лилит, не Ева, не Марфа и не Мария
И не та, о которой в церкви не говорили.
Я лишь нежность, что стала сильнее звериной силы.
Я лишь горсть земляники на испачканном дне корзины.
Легкий пепел и тающее во рту дыханье,
Две монеты древней и самой последней дани.
Да, до смерти и дальше, через реку, ползком в посмертье.
Посчитайте, честные мытари, все измерьте —
Неподвластна искусной истине фарисейской
Я живу как жаворонок — не ворошу, не сею,
Не варю, не верчу избушку, не знаю правил,
Не тону ни в воде, ни в кипящей шоссейной лаве.

Стала словом — а может быть, слово — мною.
Исторгаю горячее, скверное, нутряное.
...На душе — полюбуйся — полынь, череда, душица.
За душой — снег идет и падает, и ложится...

ПГТ

Встречает на въезде сосновым парадом,
Беленой церквушкой, собачьей гурьбой,
Безвестный поселок по имени Правда —
Местечко, где нам не встречаться с тобой.
Здесь сонно живут, тяжело выживают,
Пасут огороды, сгребают грибы.
Здесь нет ни метро, ни карет, ни трамвая,
Ни женщин изысканно сложной судьбы.
Есть домохозяйки и дворовладельцы,
Конклав рыбаков у купели пруда.
Есть сказочный лес, если некуда деться,
Кривой переулок и площадь Труда.
Некрупная школа, салон красотени,
Армянская лавка, сиротский лабаз.
Подпольный приют кочевых сновидений.
Склад яблок, которые кто-то не спас.
Синицы, вороны, воришки, пьянчуги,
Следы от качелей, подкова в траве.
Пять новых домов, сто четыре лачуги.
Окно со свечой и зеленая дверь.
Здесь истина в мячике с детской площадки,
В старухе, что кормит бродячих котов,
В борщах, пирогах, позабытой перчатке,
В газетах с гербами больших городов.
Читает Хайяма таксист узкоглазый
Читает Дюма продавщица в ларьке
И солнце сияет — как будто не гасло.
И счастье искрится снежинкой в руке.
Отсюда войска уходили к Непрядве,
И Сергей на камне писал имена.
...Пути и дороги сплетаются в Правде,
Безвестном поселке, местечке, где нам...

Мимолет

Две судьбы, перечеркнутых одной птицей.
Две дороги — в Ялте и Йокогаме.
Две монеты — с принцессой бронзоволицей
И с фрегатом, морем и облаками.

Яблоко из Кентукки и груша с яйлы,
Вася из Таганрога, Айше из Карса.
Их накрывает небесное одеяло.
Им не придется в жизни пересекаться.

Знать, для кого в апреле расцвел подснежник,
Что за болячку вылечил подорожник.
Им не касаться друг друга легко и нежно,
Не засыпать в объятиях осторожных.

Лишь мимолетным утром на грани яви
Чувствовать: кто-то дышит, теплом по коже...
Время не лечит, истина не исправит,
Мудрая книга выдумок не поможет.

Мир разделил их клетками континентов.
Вырезал пункты «прибыл», свернул дорогу...
Бронзовой птицей спит в кошельке монета.
Двигается в Азию Вася из Таганрога.

Супругам

Вы задумывались — как прекрасно держаться за руки,
просыпаться в одной постели?
Выбирать леденцы на ярмарке, сладко маяться от безделья,
Жарить мясо, лежать на пляжике, петь и плакать у колыбели.
Прятать виски в карманной фляжке, лопать вишни — уже поспели.
Узнавать теплоту дыхания, волосок на рубашке новой.
Уделять полноту внимания, быть любимым, не ждать иного?
Сколько чуда в простом, обыденном, стопке блинчиков на тарелке,
Каше с бутером, кофе с биттером, поцелуе в бистро на Стрелке?
Пахнет потом простынка мятая, от подушки сквозит духами...

Непорочная, непочатая, непроданная с потрохами,
Та, кто встанет навстречу ангелу — уходи, не отдам вовеки!
Тот, кто пишет картину набело, кто кочует в чужом ковчеге,
Бродит берегом, бредит космосом, строит дачу в поселке Момино.
Те, кто стал зерном и колосом, днем и часом, мечом и воином,
Крепко сбитые, смертно шитые оборотами непричастными,
Все прошедшие, вместе сжитые, понимаете, как вы счастливы?

Птички божии

Крым отпускает медленно, как старый ловелас.
Скала в обрыв осыпалась, тропа узлом свилась.
Нажива можжевельника, касание ножа,
Бессильное шипение случайного ужа.
Горячее желание парного молока.
Тутовник с неба падает и кровь его сладка.
Таврида херсонесится, храмеет, дорожит.
Неровный ломтик месяца над озером дрожит.
Закаты сердоликовы, волна аквамарин...
И мы, как птички божии, на облаке горим.
И небо соколиное Тенгри нарисовал.
И мальчик очарованный штурмует перевал.
Не верь штрихам и росчеркам почтовых голубков:
Крым отпускает медленно, а ранит глубоко.